

УДК 94(470.47)

СТАРШИЙ БАКША ДОРДЖЕ СЕТЕНОВ И БУДДИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКОГО УЛУСА

Лиджиева Ирина Владимировна

доктор исторических наук,
ФГБУН Федеральный исследовательский центр,
Южный научный центр Российской академии наук
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: irina-lg@yandex.ru

А н н о т а ц и я

В статье рассматривается процесс институционализации буддийской церкви в Калмыкии во второй половине XIX–начале XX вв. в условиях ограничительной конфессиональной политики Российского государства, направленной на сокращение численности духовенства и усиление административного контроля над религиозными институтами. На основе комплекса архивных документов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, реконструируются механизмы взаимодействия имперской администрации и буддийских общин на улусном уровне — пространстве, где предписания центра преломлялись через локальные практики, интересы светской аристократии и потребности общины. Особое внимание уделено деятельности старшего бакши Большедербетовского улуса Дордже Сетенова как показательного примера стратегии адаптации духовенства к внешним ограничениям. Методология исследования базируется на подходе исторической антропологии, что позволяет рассматривать административные и религиозные практики не только как институциональные формы, но и как проявления целенаправленной деятельности конкретных акторов духовного пространства. В заключение автор приходит к выводу о том, что институционализация буддийской церкви в Калмыкии не сводилась к пассивному восприятию административных ограничений. Она сопровождалась активным поиском форм сохранения и развития религиозных институтов, что вносит существенные коррективы в представления о характере конфессиональной политики позднеимперской России и роли религиозных сообществ в формировании собственных стратегий выживания.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Дордже Сетенов, Навансодбо, Большедербетовский улус, бакша, старший бакша, хамбо-лама, буддизм, калмыки.

UDC 94(470.47)

SENIOR BAKSHA DORJE SETENOV AND THE BUDDHIST TRADITION OF THE BOLSHEDERBETOVSKY ULUS

Lidzhieva Irina Vladimirovna

Doctor of Historical Sciences,
Federal Research Centre The Southern Scientific
Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS),
Rostov-on-Don, Russian Federation
E-mail: irina-lg@yandex.ru

Annotation

The article examines the process of institutionalization of the Buddhist church in Kalmykia in the second half of the XIX–early XX century in the context of the restrictive confessional policy of the Russian state, aimed at reducing the number of clergy and strengthening administrative control over religious institutions. On the basis of a set of archival documents, a significant part of which is first introduced into scientific circulation, the mechanisms of interaction between the imperial administration and Buddhist communities are reconstructed at the ulus level — a space where the instructions of the center were refracted through local practices, the interests of secular aristocracy and the needs of the community.

Particular attention is paid to the activities of the senior baksha of the Bolshederbetovsky ulus Dorje Setenov as an indicative example of the strategy of adaptation of the clergy to external restrictions. The research methodology is based on the approach of historical anthropology, which makes it possible to consider administrative and religious practices not only as institutional forms, but also as manifestations of the purposeful activities of specific actors.

In conclusion, the author concludes that the institutionalization of the Buddhist church in Kalmykia was not reduced to a passive perception of administrative restrictions. It was accompanied by an active search for forms of preservation and development of religious institutions, which makes significant adjustments to ideas about the nature of the confessional policy of late imperial Russia and the role of religious communities in the formation of their own survival strategies.

Key words

Dorje Setenov, Navansodbo, Bolshederbetovsky ulus, baksha, senior baksha, khambo-lama, Buddhism, Kalmyks.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема институционализации буддийской церкви в условиях имперской политики Российского государства второй половины XIX — начала XX в., направленной на сокращение численности ее духовенства, представляет собой одно из перспективных и научно значимых направлений исследований в области истории конфессиональной политики и этноконфессиональных отношений в Российской империи.

Цель данной статьи заключается в исследовании проблемы институционализации буддийской церкви в условиях ограничительной имперской политики на примере деятельности старшего бакши Большедербетовского улуса Дордже Сетенова, акцентируя особое внимание на активной роли религиозных сообществ в формировании собственных стратегий выживания и развития.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниковую базу данного исследования составил комплекс документов, выявленный в фондах Государственного архива Ставропольского края, Государственного архива Республики Бурятия, Национального архива Республики Калмыкия и Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, а также Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве.

Методологической основой исследования является принцип историзма, предполагающий рассмотрение деятельности Дордже Сетенова и буддийской традиции улуса в конкретно-исторических условиях Российской империи второй половины XIX — начала XX вв.

Использование просопографического метода исследования дает возможность реконструировать деятельность старшего бакши Дордже Сетенова как ключевого актора буддийской традиции Большедербетовского улуса, показать, как локальные религиозные практики встраивались в общеимперские административные процессы, тогда как применение типологического метода обеспечивает осуществимость классификации деятельности Дордже Сетенова по типам: административно-хозяйственная, представительская, просветительская и благотворительная.

Системный метод позволяет рассмотреть буддийскую общину улуса как часть более широкой системы калмыцкого общества, имперской конфессиональной политики и трансграничных буддийских связей.

ОБСУЖДЕНИЕ

Первые сведения о буддийской инфраструктуре Большедербетовского улуса относятся к середине–второй половине XIX в. и носят преимущественно этнографический и описательный характер. Более полная информация о буддийской религиозной инфраструктуре улуса появилась после перевода его в ведение Ставропольской губернии и проведения ряда административных обследований, зафиксировавших численность хурулов, штат духовенства и материальное положение монастырей.

Среди дореволюционных исследователей, в своих работах непосредственно затрагивавших тему Большедербетовского улуса, следует назвать Н. В. Львовского (2022) и Я. П. Дуброва (1998). В целом дореволюционными исследователям удалось собрать и систематизировать ценнейший фактический материал, однако следует сказать, что специальные работы, посвященные именно Большедербетовскому улусу, единичны, а анализ взаимодействия буддийской церкви с государственным аппаратом оставался за пределами их задач.

В советское время изучение буддийской церкви Калмыкии существенно ограничивалось атеистической политикой власти. И только с начала 1990-х гг. изучение истории буддизма в Калмыкии вышло на качественно новый уровень: «история церкви» превратилась в одно из ведущих направлений отечественной историографии. К ключевым работам относятся исследования Г. Ш. Дорджиевой (2001), Л. Д. Манджиковой (2003), У. Б. Очирова (2006), А. А. Курапова (2021) и др. Отдельным направлением стало изучение просветительской и книгоиздательской деятельности калмыцкого духовенства (Бичеев, 2022, 2023).

Роль Дордже Сетенова как старшего бакши, педагога, общественного деятеля, его взаимоотношения как представителя калмыцкого народа с имперской властью в отечественной историографии освещены фрагментарно — преимущественно в статьях, а не в обобщающих работах. Между тем такие важные направления деятельности Сетенова — создание системы школьного образования на калмыцком языке с включением буддийского вероучительного компонента, формирование музейных коллекций калмыцкой буддийской культуры — на сегодняшний день лишь обозначены в историографии, но еще не получили глубокого и развернутого анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В последней трети XVIII в. в результате междоусобных конфликтов произошло разделение Дербетовского улуса на две части, одна из которых получила название Большедербетовский улус. Юридическое оформление его статуса состоялось в соответствии с указом императора Павла I от 11 августа 1800 г. (Привилегии ..., 1830: 259).

Ключевым моментом этого документа было то, что депутатам от улуса предоставлялось право не только «избирать себе Начальника», но и «зависеть прямо от Государя» (Привилегии ..., 1830: 259), т. е. фактически признавался автономный статус улуса. Как отметил ученый-государствовед К. Н. Максимов, улус выступал в качестве «субъекта Российской империи» (История Калмыкии ..., 2009: 451). В первой половине XIX в. Большедербетовский улус относился к числу владельческих улусов Калмыцкой степи Астраханской губернии и находился в собственности нойонов Гахаевых. Значительная удаленность улуса от административного центра — Астрахани — обусловила его перевод в 1860 г. из-под юрисдикции астраханского губернатора в ведение ставропольского (Именной, объявленный ..., 1862: 222). Согласно указу императора Александра II от 13 марта 1860 г., станицы, располагавшиеся на передаваемой территории, были подчинены Ставропольской палате государственных имуществ, а калмыки — главному приставу магометанских народов.

При этом должность пристава была переименована в «главный пристав кочующих народов» (Именной, объявленный ..., 1862: 222–223). В 1865 г. население улуса подразделялось на 13 родов и 51 хотон, а также включало 18 аймаков, различавшихся по типу управления: 6 аймаков находились под управлением родовых зайсангов, 4 — под управлением опекунов и 8 аймаков не имели родовых зайсангов (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2502. Л.116).

В инструктивном письме министра государственных имуществ графа М. Н. Муравьева обозначены отдельные вопросы, связанные с переходом улуса под управление другого субъекта. В документе особо подчеркивалось, что этот переход не повлечет преобразований ни в образе жизни населения, ни в системе управления народом, в том числе в религиозной сфере (НА РК. Ф. И. 9. Оп. 4. Д. 121. Л. 54–55). Действительно, каких-либо радикальных изменений, в частности в религиозной сфере, не последовало: все хурулы и духовенство улуса оставались в подчинении Ламы калмыцкого народа. По данным на 25 июня 1861 г., представленным улусному попечителю старшим бакшей Лузунг-Зодбо, в Большедербетовском улусе насчитывалось шесть хурулов — один большой и пять малых.

Местом постоянной кочевки Первого большого хурула (Арагин Любинг) служила летняя улусная ставка. По дозволению бывшего Ламы калмыцкого народа Гелика для постоянного отправления службы при нойоне Лиджи Гахаеве в Абганер-Гаханкиновом роде кочевали 4 гелюнга, 3 гецуля и 3 манджика. Строение, находящееся на урочище Башанта и называемое сюме, относится к Первому большому хурулу. История и описание данного сюме представлены в работе главного пристава кочевых народов Ставропольской губернии П. З. Ланко (СГМЗ. Ф. 2. Ед. хр. 100. Л. 1-16 об).

Второй малый хурул (Арагин Гемпель) постоянно кочевал в Икичносовом роде при зайсанге Занджин Габун Нормасеве.

Третий малый хурул (Арагин Гоминг) постоянно кочевал в Багатуктуновом роде, в аймаке зайсанга Дамбы.

Четвертый малый хурул (Ламрин Чолент) постоянно кочевал в Икитуктуновом роде при аймачном зайсанге Лапине Опогинове. Кроме того, по дозволению бывшего Ламы калмыцкого народа Гелика для проведения постоянной службы на урочище Го в аймаках зайсангов Шара-Манджи Манчинова, Эренде Цульцумова и Доглуна Немгирова кочевали 3 гелюнга, 2 гецуля и 3 манджика.

Пятый малый хурул (Арагин Гемпель) постоянно кочевал в пределах территории аймака зайсанга Будермисова рода Дагдана Кюликова. Из состава духовенства этого хурула 3 гелюнга, 2 гецуля и 1 манджик находились в Хаджинкиновом роде на урочище Джалга.

Шестой малый хурул постоянно кочевал в Багабуруловом и Шеретовом родах (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2498. Л. 4 об.–7).

При шести хурулах служили 49 гелюнгов, 34 гецуля, 35 манджиков, 37 даянчинеров и 17 человек, находящихся за штатом. А также 75 мальчиков обучались грамоте. Указанные выше сведения несколько отличались от директивных предписаний, содержащихся в инструктивном письме М. Н. Муравьева. Так, по данным министра, численность духовенства в улусе составляла 119 чел. (50 гелюнгов, 34 гецулей и 35 манджиков), а количество хурулов — 5, три больших и два малых. Фактическое

увеличение количества хурулов могло произойти за счет уменьшения их статуса: один большой на два малых. В то же время в официальную статистику не вошли священнослужители, находящиеся за штатом. По утверждению Н. В. Львовского, калмыки «совершали свое идолослужение в 7 хурулах (кумирнях), из которых один был каменный, а остальные деревянные» (Львовский, 2022: 21).

Следует сказать, что в условиях проводимой имперской политики сокращения численности буддийского духовенства, официальные данные о реальном количестве священнослужителей и хурулов могли подвергаться искажениям. Исходя из годовых отчетов старшего бакши и улусных попечителей за последующие годы, в улусе было два больших хурула и три малых (НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 74. Л. 42 об — 43; Д. 83. Л. 6). Все хурулы, равно как и служащее в них духовенство, находились в административном подчинении старшего бакши — в делопроизводственной документации по Большедербетовскому улусу он нередко фигурирует под наименованием «главный бакша» (НА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 83. Л. 6, 7).

С 1 сентября 1868 г. должность старшего бакши Большедербетовского улуса занимал Очир-лама, более известный как Санджи Яванов (Сахулов) (ГА СК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 162. Л. 14–16). По утверждению зайсанга М. Кармыкова, он владел как тибетским языком (письменным и устным), так и монгольским, на которых были написаны основные труды буддийских учителей, читал и писал по-русски, а также «занимался сочинением священных описаний по буддийской религии и составлял русско-калмыцкий календарь» (НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 308. Л. 19). Кроме того, им велась летопись улуса, которая была использована Я. П. Дубровой в качестве источника по этнографии калмыков (1998: 17).

Санджи Яванов принимал также активное участие и в общественно-политической жизни имперского государства. Так, 20 мая 1883 г. он вместе с нойоном Михаилом Гахаевым и зайсангом Бадмой Опогиновым был избран на улусном сходе в состав делегации для принесения поздравлений императорской семье в честь священного коронавания, а также «выражения верноподданнических чувств и поднесения хлеба-соли» (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 907. Л. 80–81). В этой связи следует сказать, что практика участия духовных лиц в составе делегации от калмыков к императору имела место и среди калмыков Астраханской губернии, и Области войска Донского.

Среди учеников Санджи Яванова были Аркад Чубанов, Менько Борманжинов и Дордже Сетенов. После его смерти в 1897 г. старшим бакшей Большедербетовского улуса, по распоряжению Ламы калмыцкого народа, был назначен Дордже Сетенов, духовное имя — Навансодбо. По словам Г. Ш. Дорджиевой, Сетенов в течение 21 года обучался у Санджи Яванова тибетскому и монгольскому языкам. Затем 4 года продолжал обучение при Ламе калмыцкого народа Зодба Ракба Самтанове (Дорджиева, электронный ресурс).

В начале XX в. Дордже Сетенов, несмотря на легитимность назначения его на должность старшего бакши Большедербетовского улуса, столкнулся с непризнанием его полномочий со стороны главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии капитана М. Е. Коневского. Конфликт был обусловлен тем, что имперская политика контроля над неправославными культурами опиралась на жесткую институционализацию их иерархии, и должность старшего бакши оказалась вне правового поля.

В связи с этим 18 марта 1905 г. Сетенов был вынужден обратиться в Департамент духовных дел иностранных исповеданий с прошением о юридическом признании своих полномочий» (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2467. Л. 16-16 об).

Пока шло выяснение обстоятельств дела, на место ушедшего в отставку М. Е. Коневского заступил А. А. Польский. Именно он провел служебное расследование по делу о прошении Сетенова. На основе делопроизводственной документации Инородческого управления было установлено следующее. Во-первых, факт непризнания Сетенова старшим бакшей обосновывался лишь наименованием его должности «старшим», тогда как исполнение им административных функций по управлению пятью хурулами улуса не оспаривалось. Во-вторых, документ о назначении гелюнга 2-го большого хурула Дордже Сетенова заведующим всеми пятью хурулами Большедербетовского улуса, направленный 27 мая 1897 г. за № 98 ламой калмыцкого народа главному приставу, содержал и указание на полномочие по разбору бракоразводных дел. В-третьих, действительно, согласно нормам Положения об управлении калмыцким народом 1847 г., регулировавшего управленческую структуру (в том числе и буддийской церкви) Калмыцкой степи Астраханской губернии, должности старшего бакши не существовало. При этом такая должность существует в Малодербетовском улусе и, как отмечает А. А. Польский, «практика показывает ее несомненную необходимость» (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2467. Л. 19).

Необходимость признания должности старшего бакши на государственном уровне, по мнению А. А. Польского, формально определена следующим уже случившимся фактом: в газете «Правительственный вестник» за 1898 г. под № 29 напечатан указ императора от 29 января 1898 г., «коим повелено быть ламой калмыцкого народа «старшему» бакше Александровско-Багацохуровского улуса Астраханской губернии Джимбе-Балдан Дельгеркиеву» (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2467. Л. 21–22).

В результате А. А. Польский в своем заключении от 5 ноября 1905 г. подтвердил, что статус старшего бакши, не имевший законодательного закрепления, де-факто признавался на всех уровнях административной иерархии — от улусного до министерского. Именно этот документ сыграл немаловажную роль в удовлетворении ходатайства Дордже Сетенова, о чем 19 января 1906 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий за подписью товарища министра внутренних дел князя С. Д. Урусова сообщил ставропольскому губернатору И. Н. Свечину (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1553. Л. 193–193 об). Данный правовой феномен представляет собой уникальный пример институциональной практики, опередившей свое нормативно-правовое оформление. В конечном итоге в 1915 г. старшему бакше Сетенову удалось добиться признания со стороны улусной администрации новой своей должности в структуре буддийской церкви Большедербетовского улуса — помощник (заместитель) старшего бакши (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2380. Л. 3–3 об., 39–39 об).

Следует отметить о наличии дружеских отношений между А. А. Польским и Дордже Сетеновым. Свидетельство этому — личные просьбы главного чиновника Инородческого управления об оказании помощи в пополнении коллекций губернского музея, в попечительском совете которого он состоял. Благодаря их тесному сотрудничеству в состав этнографической коллекции Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве входят предметы буддийского культа:

ганглин — ритуальная тибетская флейта, важный атрибут буддийских обрядов, в том числе распространенных в калмыцком буддизме, размером 33х12,5х4 см (СГМЗ. КП ОФ 1736), и ваджра — культовый предмет буддизма, употребляемый при богослужениях, размером 10,4х3,4х2,8 см (СГМЗ. КП ОФ 1564). Оба этих предмета были преподнесены в дар старшим бакшей Большедербетовского улуса Дордже Сетеновым.

Н. В. Львовский (Мефодий), много лет занимавшийся миссионерской работой среди калмыков, будучи лично знакомым с Дорджи Сетеновым, упоминал о нем как об «эмчи Байшентинского хурула», который пользуется популярностью в народе как «искусный врач». Во время одной из их встреч Дорджи Сетенов, рассказав Н. В. Львовскому (Мефодию) о системе тибетской медицины и способах лечения разных болезней, показал тому «объемистую тетрадь», доставшуюся ему от его учителя, в которой были на тибетском языке описаны многие болезни и способы их лечения. Свидетельством активной практики врачевания Сетенова являлись многочисленные травы, семена и настойки в кожаных и стеклянных сосудах (Львовский, 2022: 92).

Старший бакша Большедербетовского улуса Дордже Сетенов принимал активное участие в общественно-политической жизни региона, несмотря на свой духовный сан. Его деятельность, как и работа его наставника Санджи Яванова, выходила далеко за рамки религиозного управления. Оба деятеля успешно совмещали духовное служение с просветительской, научной и общественной работой. Так, вскоре после назначения Сетенова Старшим бакшой Большедербетовского улуса в «Ставропольских епархиальных ведомостях» появилась заметка о его поездке в Санкт-Петербург, предпринятой, по словам ее автора, для того, «чтобы свести с кем нужно знакомство» (Отчет, 1900: 728). Оба наставника ясно понимали, что для развития буддийской общины и решения светских задач необходимы эффективные коммуникации в высших эшелонах власти.

Следующая поездка Сетенова в столицу состоялась в составе делегации от губернии на аудиенцию к императору. Калмыки, по словам известного исследователя буддийской церкви в России Г. Ш. Дорджиевой, 27 января 1911 г. во время встречи с Николаем II преподнесли императору дары: скульптурные изображения Будды и Цзонкапы, серебряно-позолоченные цветы лотоса, чашечки для фимиама, модель калмыцкой кибитки, тарелку на подставке, подносы, калмыцкий стол с золотым узором, индийскую раковину. Для наследника были предназначены письменный прибор, калмыцкий шелковый наряд и серебряная плеть (Дорджиева, URL: <https://yeke-derbet.ru/religion/bagsha-bolshederbetovskih-ulusov-dordzhi-setenov>).

В 1912 г. старший бакша Сетенов посетил Москву в рамках торжеств, приуроченных к столетию Отечественной войны 1812 года. Документальным подтверждением этой поездки служит фотография из фондов Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. На заднем плане — старший бакша Дордже Сетенов в головном уборе, который надевали для торжественных случаев, — бадма-махла (рис. 1).

4 декабря 1915 г. Дордже Сетенов в составе инородческой делегации принял участие во встрече императора Николая II на станции Минеральные Воды. В состав делегации также вошли зайсанг Терменке Овчиевич Опогинов и простолюдин Кунак Кирсанов (Прибытие, 1915: 61–65).

Рис. 1. Представители национальных меньшинств на праздновании столетия Бородинской битвы. Депутаты — калмыцкие жрецы (буддисты). Московская губ., Можайский уезд, д. Бородино. 26 августа 1912 г. (ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1 Г-2. Ед. хр. 1457, ч/б).

По утверждению современных исследователей, Дордже Сетенов для «богомоления» дважды посетил Монголию: в июне–сентябре 1900 г. и феврале–апреле 1905 г. (Уланов, Бадмаев, Андреева, 2020: 401). Цель этих поездок: знакомство с системой буддийского образования и пополнение хурульной коллекции духовных книг. Коллекция была предназначена для 2-го Большого Чоносского хурула, настоятелем которого он был, располагавшегося не на Дону, а на урочище Джалга Икичносова рода Большедербетовского улуса

По предположению Б. А. Бичеева, специализирующегося в области перевода письменных памятников, дневник, который вел Сетенов во время своей поездки в Монголию, был переписан по его просьбе кем-то из служащих улусного управления (2023). Данная рукопись хранится в архиве Императорского Русского географического общества, действительным членом которого Д. Сетенов являлся (Мучаева, 2024: 174).

Старший бакша Дордже Сетенов энергично и усердно стремился к развитию буддийского образования и межобщинного диалога, в частности, активно поддерживая контакты с бурятским духовенством. Одним из добросердечных проявлений духовного единства стала благотворительная инициатива, предпринятая им в ноябре 1913 г. Сетенов отправил к бурятскому хамбо-ламе гелюнга Замбо Хаглышева с важной миссией: передать пожертвование в 1 710 рублей, распределенное между

самим хамбо-ламой и 35 дацанами. В послании, адресованном главе бурятского духовенства, Сетенов выразил надежду на процветание братского народа: «По милости Высочайшего Ламы и Трех Драгоценностей, ваш народ — и духовенство, и миряне — наверняка пребывает в благоденствии. По их же милости и мы, от мала до велика, здоровы и благополучны» (ГА РБ. Ф. Ф-84. Оп. 1. Д. 443. Л. 1–1об).

В 1914 г. в Петрограде Дордже Сетенов издал книгу «Руководство к познанию ламайского вероучения». Это пособие было создано как учебник для преподавания буддийского вероучения в калмыцких школах Ставропольской губернии и было высоко отмечено профессором А. М. Позднеевым.

Активная деятельность Дордже Сетенова по развитию буддийской церкви получила признание и со стороны Монгольского государства. Так, 25 февраля 1914 г. Дордже Сетенов обратился к главному приставу кочующих народов с просьбой поспособствовать в получении высочайшего разрешения на ношение ордена «Драгоценного Вачира» первой степени и звания Хамбо-Ламы, пожалованных Министерством иностранных дел Монголии с приложением копии грамоты на имя Эхе-Дербетского хамбо-ламы Навансодбо (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2380. Л. 22).

Позднее, 23 марта, улусный попечитель И. И. Серебряников рапортом доложил А. А. Польскому, что имя «Навансодбо» дано Сетенову при поступлении в сословие духовенства, а Дордже — при рождении (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2380. Л. 23). Уведомление об удовлетворении прошения Сетенова на ношение монгольского ордена последовало 25 марта 1915 г., о чем Департамент духовных дел иностранных исповеданий 2 июля сообщил ставропольскому губернатору Б. М. Янушевичу (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2380. Л. 19–19об). Одобрение этого прошения со стороны российских государственных органов показывает, что имперская власть России была готова учитывать международный авторитет своих подданных-буддистов в политических целях.

В апреле 1915 г. Ставропольский отдел Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям наградил Дордже Сетенова серебряным знаком 2-й степени за пожертвование в размере 100 руб. (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2380. Л. 12–12 об.).

Однако деятельное участие Д. Сетенова во всех делах улуса, касающихся не только духовной части, но и светской, вызвало беспокойство инородческой администрации. Как свидетельствует делопроизводственная документация, 9 апреля 1915 г. бакша Дордже Сетенов дал подписку улусному попечителю Е. Ф. Майгурову, в которой он обязывался «ни в какие дела и общественные решения не вмешиваться и совещаний у себя по делам такого рода не собирать» (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2277. Л. 58).

В 1873 г. буддийскому духовенству, по аналогии с поручением другим конфессиям, была вменена одна из важных государственных функций — демографический учет населения (Лиджиева, Бадмаева, 2021: 36). В отсутствие гражданской регистрации актов состояния, осуществляемой государственным аппаратом, духовные лица неправославных конфессий фактически выполняли функции царской бюрократии в отношении своих общин — тех, к которым не имела прямого доступа православная церковь как государственная религия (Кадио, 2010: 93). Небрежное ведение метрических книг большедербетовским духовенством, по мнению чиновников, выраженное в рапорте улусного попечителя К. А. Игнациуса, стало поводом

для конфликта между светской и духовной властью в Большедербетовском улусе (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2112. Л. 2об). В этой связи Сетенов отмечал, что священнослужители не справляются с учетом, поскольку «калмыки, между которыми бывают новорожденные (умершие) и бракосочетания, сами лично мне о том никак не заявляют» (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2112. Л. 1 об.–2). Неточность учетных данных населения вызывала закономерную критику со стороны улусной администрации. Дискуссия о том, кто — духовная или светская власть — должен осуществлять учет населения велась на всех уровнях — от губернского до столичного, однако окончательное решение данного вопроса было найдено лишь при смене государственного строя в России.

23 октября 1915 г. Лама калмыцкого народа Чимид Балданов направил главному приставу кочующих народов сообщение о смерти Дордже Сетенова. Как следовало из документа, Дордже Сетенов ушел из жизни 22 сентября того же года (ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2380. Л. 37).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, буддийская церковь Большедербетовского улуса, оставаясь в подчинении Ламы калмыцкого народа после перевода улуса в 1860 г. из Астраханской губернии в ведение Ставропольской губернии, сохранила внутреннюю автономию. Документальные источники фиксируют несоответствие между официальной статистикой и реальным положением дел. Так, расхождения касались как общего количества хурулов, так и численности буддийского духовенства, включая заштатных служителей и даянчинеров, не попадавших в официальные сводки, которые отражали общую тенденцию имперской политики сокращения буддийского духовенства, — в этих условиях фактические данные буддийской инфраструктуры подвергались занижению.

История института старшего бакши Большедербетовского улуса демонстрирует характерную для Российской империи модель взаимодействия с неправославными конфессиями, при которой функциональное признание должности опережало ее нормативное закрепление, т. е. отсутствие полной правовой институционализации. Активное участие Дордже Сетенова, личность которого объединяла в себе духовного администратора, педагога, медика и представителя калмыцкого народа перед имперской властью, в общественной жизни улуса, вызывало настороженность со стороны инородческой администрации. Приведенный нами эпизод 1915 г. отражает фундаментальное противоречие: с одной стороны, государство признавало за духовными лицами выполнение ряда административных функций, таких как бракоразводные дела, регистрация актов состояния, в отношении населения, не охваченного православной церковью; с другой — стремилось ограничить их влияние исключительно религиозной сферой.

Многогранная деятельность Дордже Сетенова, связанная не только с духовной сферой, но и с решением некоторых светских вопросов, получила неоднозначную оценку со стороны имперской власти России. Но в буддийской среде Большедербетовского улуса, да и в целом в калмыцком обществе, он пользовался непререкаемым авторитетом и большим уважением, являясь крупным религиозным и общественным деятелем Калмыкии, подлинным защитником интересов сородичей в непростых

взаимоотношениях с властью имущими. Международное признание заслуг Дордже Сетенова, в частности, со стороны Монголии свидетельствовало о том, что его деятельность переросла рамки регионального духовного администратора и приобрела трансграничное измерение.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена с использованием гранта, предоставленного Фондом содействия буддийскому образованию и исследованиям по теме: «Хранитель веры: бакша Дордже Сетенов и буддийская традиция Большедербетовского улуса», эл. ссылка на грант: <https://buddhistfund.ru/image/Победители%20конкурса%20по%20поддержке%20научных%20исследований%20по%20буддологии%20и%20переводов%20буддийских%20текстов%202026-1.pdf>

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING

The work was supported by the Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research — grant «Guardian of Faith: Baksha Dorje Setenov and the Buddhist Tradition of the Bolshederbetovsky Ulus», e-link to grant: <https://buddhistfund.ru/image/Победители%20конкурса%20по%20поддержке%20научных%20исследований%20по%20буддологии%20и%20переводов%20буддийских%20текстов%202026-1.pdf>

Литература и источники

Бичеев, Б. А. (2022). Буддийские тексты, изданные калмыцкими монахами (1900–1918 гг.) *Монголоведение*. 14. 4. 814–833. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-814-833.

Бичеев, Б. А. (2023). Дневник путешествия в Монголию калмыцкого ламы Дорджи Сетенова *Вестник архивиста*. 3. 789–803.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).

Дорджиева, Г. Ш. (2001). Буддийская церковь Калмыкии в конце XIX — первой половине XX в. М.: Институт российской истории РАН.

Дорджиева, Г. Ш. *Багша Большедербетовских улусов Дорджи Сетенов* Электронный ресурс: URL: <https://yeke-derbet.ru/religion/bagsha-bolshederbetovskih-ulusov-dordzhi-setenov/> (дата обращения: 01.05.2026).

Дуброва, Я. П. (1998). *Быт калмыков Ставропольской губернии*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

Именной, объявленный Сенату Управляющим Министерством юстиции О порядке заведывания кочующими в Ставропольской губернии калмыками, и о новой пограничной черте между Ставропольской и Астраханской губерниями (1862). *Полное собрание законов Российской империи* — 2. XXXV. 1. 35556. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 222–223.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. (2009). Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел». 1.

Кадио, Ж. *Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860-1940* (2010). Пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение.

Курапов, А. А. (2021). *Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII–начале XX в.* Элиста: КалмНЦ РАН.

Лиджиева, И. В., Бадмаева, Е. Н. (2021). Количественный учет инородческого населения Юга России во второй половине XIX в. *Журнал фронтирных исследований*. 6. 3. 23. 29–47.

Львовский, Н. В. (Мефодий) (2022). *Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии*. 2-е изд. Элиста: КалмНЦ РАН.

Мучаева, И. И. (2024). Формирование калмыцкой коллекции Музея Северного Кавказа. *Кунсткамера*. 2. 24. 158–176.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)

Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского братства за 1899 год (1900). *Ставропольские епархиальные ведомости*. 1900. 12. 719–741.

Очиров, У. Б. (2006). Межконфессиональные отношения и религиозная ситуация в Калмыкии в 1917-1920 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 1. 69–80.

Прибытие Его Императорского Величества, Государя Императора Николая Александровича, Самодержца Всероссийского, на станцию «Минеральные Воды» Владикавказской железной дороги (1915). *Ставропольские епархиальные ведомости*. 2. 61–65.

Привилегии, данные депутатам Калмыцкой орды Большого Дербета (1830). *Полное собрание законов Российской империи — 1. XXVI*. 19.511. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 259.

Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе (СГМЗ).

Уланов, М. С., Бадмаев, В. Н., Андреева, А. А. (2020). Феномен буддийского паломничества в истории и культуре калмыков. *Былые годы*. 56. 2. 398–406.

Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб.).

References

Arrival of His Imperial Majesty, Sovereign Emperor Nicholas Alexandrovich, Autocrat of All Russia, at the Mineralnye Vody station of the Vladikavkaz Railway (1915). *Stavropol Diocesan Gazette*. 2. 61–65. (in Russian).

Bicheev, B. A. (2023). Diary of the Kalmyk Lama Dorji Setenov's Trip to Mongolia. *Herald of an Archivist*. No. 3. 789–803. DOI 10.28995/2073-0101-2023-3-789-803 (in Russian).

Bicheev, B. A. (2022). Buddhist Texts Published by Kalmyk Monks: 1900–1918. *Mongolian Studies*. No 14(4). 814–833. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-814-833 (in Russian).

Cadio, J. *Laboratory of the Empire: Russia/USSR, 1860–1940*. Per. with fr. E. Kustova (2010). М.: New literary review (in Russian).

Central State Archive of Film, Photo, and Audio-Visual Documents of St. Petersburg (CSAFFPA-VD St.P)

Dordjjeva, G. S. (2001). *The Buddhist Church of Kalmykia in the late 19th –first half of the 20th century*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Dubrova, Y. P. (1998). *The life of Kalmyks of the Stavropol province*. Elista: Kalmyk Book Publishing House (in Russian).

Kurapov, A. A. (2021). The Russian State and the Buddhist Church in Southern Russia: the stages of the evolution of socio-political interaction in the XVII–early XX century. Elista: KalmSC RAS (in Russian)

Lidzieva, I. V., Badmaeva, E. N. (2021). Quantitative account of the non-slavic population of the south of Russia in the second half of the 19th century. *Journal of Frontier Studies*. No 3. 29–47 (in Russian).

Lvovsky, N. V. (Methodius) (2022). *Kalmyks of the Bolshederbetovsky ulus of the Stavropol province*. 2nd ed. Elista: KalmNC RAS. (in Russian).

Muchaeva, I. (2024). Formation of the Kalmyk Collection of the Museum of the North Caucasus. *Kunstkamera*. No 2(24). 168–177. DOI 10.31250/2618-8619-2024-2(24)-168-177 (in Russian).

Named, announced to the Senate by the Manager of the Ministry of Justice On the procedure for managing nomads in the Stavropol province Kalmyks, and on the new border line between the Stavropol and Astrakhan provinces (1862). *Complete collection of laws of the Russian Empire* — 2. XXXV. 1. 35556. St. Petersburg: Printing house of the II Branch of His Imperial Majesty's Chancellery. 222–223 (in Russian).

Ochirov, U. B. (2006). Interfaith relations and religious situation in Kalmykia in 1917-1920. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*. 1. 69–80.

Privileges granted to the deputies of the Bolshoy Derbet Kalmyk Horde (1830). *Complete Collection of Laws of the Russian Empire* — 1. XXVI. 19.511. St. Petersburg: printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 259 (in Russian).

Report on the activities of the Stavropol Andreev-Vladimir Brotherhood for 1899 (1900). *Stavropol diocesan vedomosti*. 1900. 12. 719–741.

State Archive of the Republic of Buryatia (GARB).

Stavropol State Museum-Reserve of History, Culture, and Nature named after G. N. Prozritelev and G. K. Prave (SSMR)

The history of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 volumes (2009). Elista: GU "Publishing House "Gerel." 1. (in Russian).

The National Archive of the Republic of Kalmykia (NA RK).

The State Archive of the Stavropol Territory (GASt).

Ulanov, M. S., Badmaev, V. N., Andreeva, A. A. (2020). The phenomenon of Buddhist pilgrimage in the history and culture of the Kalmyks. *Bylye Gody*. 56. 2. 398–406 (in Russian).